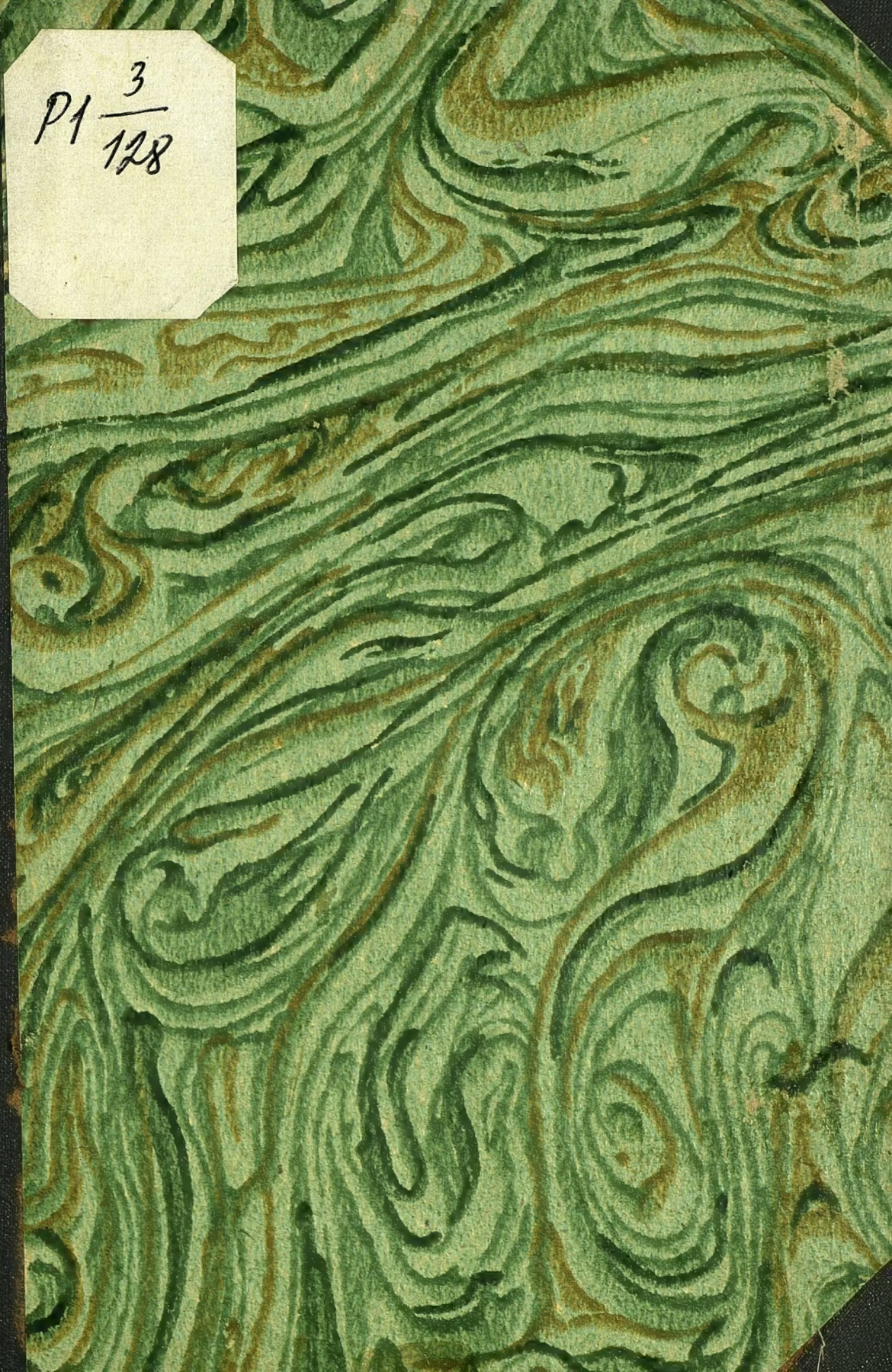


P1 $\frac{3}{128}$



В. Быстрянский

X

Р/3
128

РЕВОЛЮЦИЯ БУРЖУАЗНАЯ

И

РЕВОЛЮЦИЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ © 1920

В. В. В. В. В.

ВАНЕВУЖУВ ВАНЕВУЖУВ

Четвертая Государственная типография.



Р. В. Ц.

Напечатано 25,000 экз

Революция буржуазная и революция пролетарская.

I.

В марте 1917 г. в Петрограде началась Великая Русская революция, первым этапом которой было свержение царизма.

Эта первая победа великого движения была завершением задач, поставленных, но не разрешенных великой борьбой 1905—1907 г.г.

Буржуазная революция в России крайне запоздала: благодаря поддержке западно-европейского финансового капитала дворянско-помещичья клика с царем во главе сумела продержаться у нас на много дольше, чем это допускали экономические и социальные отношения в России; архаическая политическая надстройка продолжала держаться над сравнительно высоко развитым экономическим базисом.

Буржуазная революция разразилась в России тогда, когда во всем цивилизованном мире производственные отношения уже созрели для перехода к социализму, когда порожденная капитализмом всемирная война ускорила час его гибели, когда повсюду история поставила в порядок дня вопрос о завоевании пролетариатом политической власти,— вот почему буржуазная революция в России так скоро перешла в социалистическую.

Еще в 1844 году, в одной из своих юношеских работ „Критике Гегелевской философии права“, Карл Маркс писал: „Не радикальная революция является утопической мечтой для Германии, не всеобщее освобождение человечества, а, наоборот, частичное, только политическое освобождение“.

В 1848 году, накануне революции в Германии, Маркс и Энгельс говорили в „Коммунистическом Манифесте“, что „немецкая буржуазная революция может быть лишь непосредственным прологом к пролетарской революции“.

В ходе самого движения Маркс писал:

„В Германии немыслимы чисто буржуазная революция и основание господства буржуазии в форме конституционной монархии, возможна только феодально-абсолютистская контр-революция или революция социально-республиканская“.

Ожидания основоположников научного социализма в 1848 году не сбылись. В Германии не только не победила пролетарская революция, но из-за предательства буржуазии, из страха перед только что начавшим расправлять свои члены пролетариатом перешедшей на сторону феодализма, была сорвана и буржуазная революция.

Мысль о „частичной, только политической революции“ оказалась утопией для России 1917 г.

У нас действительно „тотчас же после падения реакционных классов... началась борьба против самой буржуазии“, — как того требовал „Коммунистический Манифест“, и эта борьба завершилась экспроприацией буржуазии.

Революция развивалась в такой сложной международной обстановке, и классовая борьба у нас достигла такой точки кипения, что „буржуазная революция стала непосредственным прологом революции пролетарской“, явившейся в свою очередь первым звеном в цепи восстаний трудящихся против власти капитала, во всем мире порождаемых империалистской войной.

Российская Коммунистическая Партия — хранительница революционных традиций Маркса и Энгельса, партия Октябрьской революции — может считать своим делом и Февральскую революцию. Ведь одни большевики с первых же дней войны империалистской смело и безбоязненно выкинули лозунг войны гражданской. В разгар мировой бойни они учили пролетариат необходимости обратить оружие против своего действительного врага, против помещиков и капиталистов в своей стране, в то время как империалистская буржуазия и социал-патриоты проповедывали гражданский мир с царизмом и эксплуататорами.

Еще в ноябре 1916 г. вождь русской буржуазии, сторонник войны до конца — Милюков-Дарданельский — говорил: „Если путь к победе лежит чрез революцию, то я против революции“, а в феврале 1917 г., по поводу рабочих волнений в столице, сей государственный муж что-то лепетал о германской провокации.

Это не помешало, конечно, партиям, выступавшим против революции, попытаться использовать в своих интересах ее плоды после победы рабочего класса.

Но своей поддержкой империалистской войны буржуазия и социал-патриоты подписали себе смертный приговор, ибо революция поставила себе целью прекращение бойни.

Как писал в 1917 году небезызвестный буржуазный ученый профессор Мигулин: „Потрясающий, небывалый в истории успех нашей революции во многом объясняется именно

общей надеждой на скорый мир по низложению Николая II. Николай был приговорен после своего знаменитого приказа 12 декабря 1916 г. по армии и флоту. Все поняли тогда, что Николай будет вести войну до конца во что бы то ни стало и что Россия от победы решительно ничего серьезного не приобретает. Да и в победу над Германией у нас немногие верили. Переворот совершился, но война продолжается. Отсюда нападки на „буржуазию“, которой „нужна война, вредная для пролетариата“. („Война и мир“, в „Новом Экономисте“, № 18, 7).

Империалистская война свела в могилу державшийся веками царизм.

Пролетариат столицы и получившее организацию в рамках армии крестьянство нанесли ему смертельный удар.

Продолжение империалистской войны буржуазией и социал-патриотами после первой победы революции сделало невозможным сколько-нибудь длительное существование на Руси буржуазного правительства.

Из протеста масс против грабительской войны родилась буржуазная революция. Борьба трудящихся против продолжения империалистской войны повела к ее переходу в пролетарскую революцию.

II.

Деспотизм, тирания—так характеризует режим рабоче-крестьянского государства буржуазия и ее слуги вплоть до Каутского и К^о.

Они, конечно, не смущаются тем, что „терроризм“ царит и в демократических государствах, как в Америке, и в якобы „социалистической республике“ в Германии, где стояли у власти друзья Каутского, шейдемановцы. Но там заточаются в тюрьмы рабочие-коммунисты, расстреливаются их вожди, там приведена к молчанию пролетарская печать, там „свобода и равенство“ существуют только для богатых.

Было время, когда Каутский понимал, что одно и то же слово в ходе истории значительно меняет свое содержание. Так в 1908 г. в своей книге „Иудейство и христианство“ он писал:

„Одни и те же слова в ходе столетий меняли свое значение, идеи и учреждения, имеющие внешнее сходство, по существу своему совершенно различны, так как они возникают из потребностей различных классов при различных условиях. Свобода, которой требует современный пролетарий, далеко

не та, к которой стремились представители третьего сословия во Франции в 1789 г., и последняя, в свою очередь, коренным образом отличалась от той, за которую в начале реформации боролось немецкое имперское рыцарство“.

Итак, было время, когда и для Каутского было ясно, что свобода, которой добивается современный пролетарий, отнюдь не равнозначуща со свободой умирать с голода.

В то время Каутский оставался еще верен Марксу и Энгельсу. Наши великие учителя открыто заявляли в „Коммунистическом Манифесте“, что диктатура пролетариата действительно приведет к уничтожению буржуазной свободы.

Вот их слова:

„И уничтожение подобного капиталистического отношения буржуазия называет уничтожением личности и свободы. И она права. Речь идет бесспорно об уничтожении буржуазной личности, самостоятельности и свободы.

„Под свободой, в рамках нынешних буржуазных производственных отношений, понимают *свободную торговлю, свободную куплю и продажу*.“

„Но если падает барышничество, то падает и свободное барышничество. Разговоры о свободном барышничестве, как и все прочие высокопарные речи нашей буржуазии о свободе, имеют вообще смысл лишь по отношению к поработанному горожанину средневековья, а не по отношению к коммунистическому уничтожению барышничества, буржуазных отношений производства и самой буржуазии.

„Вы признаете, следовательно, что под личностью вы подразумеваете только буржуа, буржуазного собственника. *Эта личность, действительно, должна быть уничтожена*“.

Маркс и Энгельс уже 70 лет тому назад предсказали, что рабочая революция должна будет покончить с буржуазными формами свободы и равенства.

И великий мыслитель-идеалист, духовным наследником которого явилось учение коммунизма,—Гегель, который видел в истории прогресс в сознании свободы,—писал в своих „Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte“ (чтения о философии истории) о польской аристократической республике XVII века: „Польская свобода была не чем иным, как свободой баронов по отношению к монархам, причем нация была доведена до состояния полнейшего рабства. Когда речь идет о свободе, всегда нужно внимательно следить, не имеются ли здесь в виду собственно частные интересы“.

Частные интересы собственников имеет в виду капиталистическая буржуазия, когда она говорит о свободе. И этим частным интересам и служат господа Каутские.

Пролетарии же в настоящее время поняли, что „демократия, это—в настоящее время коммунизм. Другого рода демократия может существовать лишь в головах теоретических мечтателей, которые ничуть не заботятся о действительных событиях, по мнению которых принципы не создаются людьми, а развиваются сами собой. Демократия сделалась пролетарским принципом, принципом масс“.

Так писал еще в 1846 г. Фридрих Энгельс в своей статье „Праздник международного единения в Лондоне“.

Подлинная демократия, пролетарская демократия, демократия с равенством прав для трудящихся, создана великой рабочей революцией.

III.

В своей статье „Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата“, помещенной в №№ 7—8 „Коммунистического Интернационала“, тов. Ленин формулирует в виде урока 2-х летней революционной борьбы русского пролетариата положение, что государственная власть есть орудие, которым рабочий класс должен после своей победы воспользоваться в своих классовых целях. „Государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоения этих масс у буржуазии и у мелкобуржуазных партий“, пишет тов. Ленин.

„Пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать себе государственную власть, а потом эту государственную власть, то есть диктатуру пролетариата, использовать как орудие своего класса в целях приобретения сознания большинства трудящихся“.

Так российский пролетариат отвоевал после своей победы крестьянство у эс-эров посредством революционного удовлетворения его наиболее насущных экономических нужд ценой экспроприации помещиков.

„Пускай сначала, при сохранении частной собственности, т. е. при сохранении власти и гнета капитала, большинство населения выскажется за партию пролетариата,—только тогда она может и должна взять власть“,—так говорят мелко-буржуазные демократы, фактические слуги буржуазии, называющие себя „социалистами“.

„Пускай сначала революционный пролетариат низвергнет буржуазию, сломит гнет капитала, разобьет буржуазный

государственный аппарат,—тогда пролетариат, одержавший победу, сможет быстро привлечь на свою сторону сочувствие и поддержку большинства трудящихся непролетарских масс, удовлетворяя их за счет эксплуататоров“, говорим мы.

„Пролетариат, даже когда он составляет меньшинство населения (или когда сознательный и действительно революционный авангард пролетариата составляет меньшинство населения), способен и низвергнуть буржуазию и привлечь затем на свою сторону многих союзников из такой массы полупролетариата и мелких буржуа, которая никогда заранее за господство пролетариата не выскажется, условий и задач этого господства не поймет, а только из дальнейшего своего опыта убедится в неизбежности, правильности, закономерности пролетарской диктатуры“.

Защитники „чистой“, а на самом деле капиталистической демократии будут, конечно, говорить по этому поводу о бланкизме, тирании меньшинства и т. д.

Но не мешало бы им вспомнить, что и республика, эта высшая форма буржуазного государства, защитниками которого они являются, являлась на свет отнюдь не как результат простого волеизъявления большинства.

Как родилась Первая республика во время Французской революции конца XVIII века?

Ее историк Олар констатировал, что в 1789 г., при созыве Генеральных Штатов, во Франции не было еще ни одного республиканца.

А как обстояло дело в августе и сентябре 1792 г., когда во Франции республика была провозглашена Конвентом? Вот что Олар писал о чувствах народной массы:

„В народной массе, еще незнакомой с самым словом „республика“ или плохо понимавшей его значение, или же подозрительно относившейся к тому, что оно обозначало, конечно, не существовало никаких общих идей относительно организации и роли будущей республики. Эта масса думала только о непосредственной задаче, которую выдвигали перед нею обстоятельства, т.-е. об изгнании чужеземцев и о борьбе с королями, а так как французский король оказался изменником, то и о том, чтобы защитить себя своими собственными силами. Что касалось формы правительства, то она присоединялась к той, которая уже существовала: выборному Исполнительному Совету, управлявшему в согласии с выборным собранием. Пусть назовут эту форму республикой,—она соглашалась на это. Потом, когда она увидела республику воочию, она полюбила ее и почувствовала себя республиканской.“

Старый историк Французской революции Мишлэ, парируя „главное возражение“ против установления республики, „возражение“, которое делали и которое делается всегда, говорит: „Еще не время, мы еще не созрели, *наши нравы не республиканские*“... Слишком справедливая истина; ясно, что так всегда должно быть при выходе из монархии... Законы, учреждения монархии, очевидно, не ставят себе задачей подготовить нравы к противоположному образу правления, отсюда следует, что всегда был бы преждевременным переход к республике; пришлось бы раз-навсегда запутаться в следующем порочном круге: „республиканское законодательство и воспитание одни могут подготовить людей к республике; но сама республика необходима предварительно, чтобы пожелать и декретировать эти законы и это воспитание.

„Чтобы народ вышел из этого круга, необходимо, чтобы мощным усилием своей воли, энергичной трансформацией своей политической морали он сделался достойным совершеннолетия, достойным того, чтобы выйти из детства, надеть одежду мужа и чтобы не пасть вниз, а остаться на высоте в этот героический момент, он дал себе законы и воспитание, которые одни могут его увековечить.

„Другое возражение: „предположив, что республика была уже возможной, была ли она справедливой для данной эпохи? *не была ли бы она навязана меньшинством роялистскому большинству, навязана силой и вопреки праву?* Нация, была ли она в общем настроена республикански“?

„Если требуют, чтобы нация имела идею и ясную и отчетливую волю к республике,—нет, ее у нее не было. Идея, национальная воля, в этот момент, среди негодования, пробужденного бегством короля, была, чтобы говорить точно, антироялистской; она была *республиканской*, если видеть в республике простое отрицание монархии.

Просвещенное меньшинство, используя этот момент, основывая на прочных учреждениях республику, утвердило бы в массе ее антироялистские настроения, которые тогда проявились, она не подавила бы массу, она перевела бы ей ее собственную мысль, сформулировала бы ее темные инстинкты“.
(Histoire de la Révolution française, III, 12.)

Как видим, последовательным буржуазным революционерам приходилось иметь дело с теми же нападками со стороны защитников феодальной старины, как и борцам революции пролетарской.

Но в ту эпоху, когда буржуазия еще была революционным классом, когда она брала власть, ее республиканский

авангард мало смущался тем, что масса населения не усвоила еще себе освободительной идеологии третьего сословия, он помогал выявлению смутных еще антимонархических настроений масс.

Феодально монархические порядки, очевидно, не могли иметь своим последствием, чтобы большинство населения сразу же, сознательно, высказалось за новые общественные формы, но это не помешало буржуазии революционным путем свергнуть королей и аристократов и взять власть.

При господстве частной собственности на орудия производства, при сохранении власти и гнета капитала, держащего в своих руках гигантский аппарат для отупления народных масс в виде школы, прессы, церкви, до греческих календ нужно было бы откладывать дело освобождения пролетариата, если бы пришлось ждать, чтобы большинство населения в формах созданного буржуазией для своих целей аппарата парламентаризма высказалось за партию пролетариата.

Как и подобает революционному классу, пролетариат, следуя примеру буржуазных революционеров в эпохи великих буржуазных революций, ломает старый государственный порядок—и последовательно проводимой им политикой в интересах широких мелкобуржуазных масс привлекает их на свою сторону и ставит тем свою власть на незыблемую основу.

Так было в России, так будет и в других странах—„на другой день после социальной революции“.

IV.

Рост пролетарской революции во всем мире заставляет наиболее дальновидных представителей правящих классов делать попытки справиться с нею не только мерами военного насилия, но предотвратить ее частичными уступками: буржуазия думает примирить пролетариат с существующим порядком, облегчив его положение.

С наибольшей силой эта тенденция проявляется в Англии, где капиталисты издавна славились умением идти навстречу рабочим своевременными уступками в мелком и частном, сохраняя незыблемыми основы своей власти. Буржуазия говорит давно уже о необходимости регулирования социального законодательства в международном масштабе. На па-

рижской конференции этот вопрос ставил в феврале 1919 г. сам Вильсон; об этом говорил в веймарской учредилке и представитель соглашательского правительства демократической республики Германии граф Броксдорф-Ранцау.

А шейдемановцы, заслужившие полное доверие германской буржуазии своими террористическими мерами борьбы против германского пролетариата, продолжают толковать о социализации и других реформах, направленных к смягчению положения рабочего класса.

Но едва ли буржуазии удастся спасти свое положение частичными уступками, — социальные реформы далеки от того, чтобы укрепить положение падающего класса, наоборот, они расшатывают его. В мирные, „органические“ эпохи народной жизни социальные реформы еще могут укрепить положение господствующего класса, но в такое время обычно он проявляет мало склонности к политике заплат на существующем строе.

В эпохи же „критические“, в эпохи революционные, когда напор низов заставляет командующие слои задуматься об улучшении его участи, реформы обычно являются запоздалыми и не только не удовлетворяют масс, наоборот, еще более раздражают их, толкают их на решительную и отчаянную борьбу. Так оно было накануне Великой Французской революции.

Токвиллю, автору известной книги „Старый порядок и революция“, принадлежат слова:

„Не всегда приводит к революции переход от худого к худшему. Чаше всего случается, что народ, переносивший без жалоб и как будто нечувствительно самые тягостные законы, буйно сбрасывает с себя их бремя, как только оно облегчается. Порядок вещей, уничтожаемый революцией, почти всегда бывает лучше того, который непосредственно ему предшествовал, и опыт показывает, что для дурного правительства наиболее опасным является обыкновенно тот момент, когда оно начинает преобразовываться. Зло, которое переносилось терпеливо, как нечто неизбежное, кажется невыносимым при мысли, что от него можно избавиться. Тогда, сколько бы злоупотреблений ни устранялось, от этого как будто яснее выступают наружу оставшиеся злоупотребления, и чувство становится более жгучим: зло, правда, уменьшилось, но зато чувствительность возросла. Феодализм в цвете своих сил никогда не внушал французам такой ненависти, как накануне своего исчезновения. Самые незначительные проявления произвола у Людовика XVI казались более нестерпимыми, чем весь деспотизм Людовика XIV“.

Так было во время Великой буржуазной революции, так оно будет и в революции пролетарской: тщетны усилия капитала спасти свои привилегии частичным улучшением положения масс.

V.

В 1895 году в своем предсмертном произведении — введении к работе Маркса „Борьба классов во Франции“ — Фридрих Энгельс писал: „Где идет дело о полном преобразовании общественного строя, там массы сами должны участвовать в этом преобразовании, сами должны понимать, в чем дело и за что они должны вступить. Этому научила нас история последнего пятидесятилетия“.

Эти слова были сказаны им о социалистической революции. Успешный ход ее предполагает активное творчество самых широких слоев народных масс. Всякая революция, заслуживающая этого названия, т.-е. переход власти от одного общественного класса к другому, ведет к тому, что новые слои массы вовлекаются в сферу исторического действия, что расширяется круг—строителей общества. Так, переход власти от феодального землевладения к буржуазии сопровождается привлечением к общественной работе новых слоев нации. Однако, и в данном случае широкие массы остаются вне сферы исторического действия, и при самой демократической, но буржуазной республике, государство является достоянием привилегированных групп, эксплуатирующих его, во имя своих частных интересов.

„Такое явление,—писал Фридрих Энгельс в предисловии к „Гражданской войне во Франции“ Маркса,—происходит не только в наследственных монархиях, но и в демократической республике... именно в Америке лучше всего видно, как государственная власть становится независимой от того самого общества, орудием которого она в сущности является. Там мы видим, как две больших шайки политических спекулянтов попеременно владеют властью и эксплуатируют ее самым грязным образом для самых грязных целей“.

Подобное явление неизбежно при капиталистическом режиме, вся сущность которого состоит в эксплуатации многомиллионной народной массы небольшой привилегированной группой эксплуататоров. Но приходящий ему на смену социалистический строй, полагающий конец всякой эксплуатации, может быть осуществлен только усилиями самой массы. Она сама должна выдвинуть из своей среды

людей, которые управляли бы государством. Ее представители должны участвовать в преобразовании общественного строя,—только тогда оно будет проведено до конца. Массы должны сами понимать, в чем дело и чему они должны научиться; никто не может сделать революции за них, никто не может совершить процесса пересоздания сложной ткани общества, если за это дело не возьмутся сами массы.

И революция является лучшим воспитателем народа, в течение месяцев она научает массы тому, для чего в мирное время понадобились бы десятилетия. Она поднимает все новые и новые пласты массы к делу общественного и государственного строительства, сама в ходе своего развития она созидает деятелей нового общества. Тогда, когда речь идет о том, чтобы перестроить общественное здание в интересах всех, революция является лучшим учителем масс. Раз вступив на правильный путь, они уж с него не сойдут.

Энгельс, в той же предсмертной своей работе, противопоставляя буржуазным революциям социалистическую революцию, как революцию, совершаемую в подлиннейших интересах большинства, говорит:

„Если во всех сколько-нибудь продолжительных революционных периодах народные массы так легко поддавались пустым, но правдоподобным обещаниям пробивающегося вперед меньшинства, то почему бы им быть менее доступными по отношению к идеям, являющимся истинным отражением их экономического положения, представлявшим не что иное, как ясное, сознательное выражение ими самими еще не осознанных, а лишь неопределенно ощущаемых потребностей. Правда, это революционное настроение масс почти всегда и большею частью очень скоро сменялось утомлением, а то и поворотом в противоположную сторону, как только рассеивались иллюзии и наступало разочарование. Но тут дело шло не опустых обещаниях, а о том, чтобы осуществить насущнейшие интересы самого подавляющего большинства. И пусть эти интересы тогда еще далеко не были ясны этому подавляющему большинству: они скоро должны были сделаться для него достаточно ясными в процессе практического осуществления, вследствие убедительной очевидности“.

VI.

Статс-секретарь Эрцбергер сделал в Высшей Торговой Школе в Берлине 27-го декабря 1918 г. доклад о союзе народов. По его мнению, необходимость союза народов вы-

текала из крушения старой международной политической системы, которая держалась исключительно насилием и соперничеством наций.

„Взаимным недоверием определялось все международное положение. Больше четырех лет кровавой борьбы показали, каким страшным взрывом разразилось многолетнее напряжение.—Миллионы убитых, миллионы искалеченных, миллионы сирот,—вот ничем невознаградимые последствия войны. Миллиардные ценности разрушены, но следствия всемирной войны еще глубже; война есть беззаконие во вне, и она привела к беззаконию внутри,—долгая, всеразрушающая война породила мировой большевизм“.

Во имя борьбы с ним и Эрцбергер мотивирует необходимость создания союза народов. Оправдываются предвидения старого Энгельса; который 22-го февраля 1888 года писал Зорге из Лондона об Англии:

„И здесь массами все более и более овладевает инстинктивный социализм, который, к счастью, противится всякой определенной формулировке по догме той или другой, так называемой, организации и, следовательно, тем легче примет ее под влиянием какого-нибудь решительного события. Пусть только где-нибудь начнется, и буржуа будут удивляться по поводу того скрытого социализма, который тогда прорвется и обнаружится“. Слова Энгельса, сказанные им 30 лет тому назад, оказались пророческими. Действительно, после того, как только в России началось великое дело социальной революции, во всем мире на почве, разрыхленной мировой войной, прорывается скрытый социализм, который, под влиянием мировых событий, облекается в формулу коммунизма.

Всюду развитие мирового капитализма накопило громадную массу горючего материала, вспыхивающего ярким пламенем, когда до него долетают искры российского пожара.

Более всего правящие классы боятся духовного оружия восстающего пролетариата,—они знают, что им не совладать с оружием критики. Буржуазная пресса Европы поднимает теперь шум по поводу похода на Европу новых завоевателей с Востока,—большевики, по их словам, вооруженной рукой хотят навязать миру свои принципы. Но не наша критика оружием страшна им, а оружие критики.

Это ясно хотя бы из следующих фактов:

Пишон, возражая против допущения представителей Советской Республики на мирную конференцию, придумал такой аргумент: „Большевики-де разовьют на конферен-

ции такую широкую пропаганду, что Антанта падет их жертвой“.

Господин Нуланс, поддерживавший в Москве белогвардейские восстания, точно так же резко высказался против большевизма. Русский и немецкий большевизм, по его мнению, представляют самое серьезное препятствие для дела заключения мира.

Правы французские дипломаты. Представители старого мира знают, что им нечего противопоставить большевистской пропаганде, что они бессильны бороться с нами духовным оружием, как это признал в минуту откровенности еще в восьмидесятых годах старый Бисмарк.

Поэтому г.г. Ллойд-Джордж и Мильеран стараются отгородиться от нас китайской стеной, поэтому-то они отклоняют все предложения Советской Республики о мирных переговорах,—они, как огня, боятся коммунистической пропаганды. Но они забывают, что лучший способ пропаганды—есть пропаганда делом. И самый факт существования Советской Республики говорит рабочим Европы и трудящимся всего мира больше, чем это могли бы сделать тысячи агитаторов и миллионы прокламаций.

Прав Нуланс и тогда, когда говорит, что большевизм в России и в Германии является главной угрозой миру. Но какому миру? Миру гражданскому, миру эксплуатируемых с эксплуататорами, миру между трудящимися и присвоителями продуктов их труда.

Да, этому миру, внутри-национальному миру, на пользу которого работают и социал-империалисты, Советская Республика является смертельной угрозой.

Она разоблачает истинный характер этого мира, она показывает, что под фиговым листком демократии таится неприкрытая классовая война, война эксплуататоров против эксплуатируемых. Под флагом гражданского мира имущие классы всюду ведут гражданскую войну против трудящихся. Только большевизм срывает все лживые покровы с мнимого мира внутри страны, он высказывает то, что есть, он призывает трудящиеся массы отвечать на войну войной, на удар ударом. На место лицемерного гражданского мира он провозглашает открытую гражданскую войну, войну классовую, войну до полной победы над экспроприаторами, которая только и может привести к прочному миру, основанному на отмене классовых различий, на превращении всего общества в ассоциацию равноправных производителей.

VII.

Меньшевистские и новожиизненские мудрецы пытались в свое время уговорить русский рабочий класс не вступать на путь социалистической революции, так как де Россия слишком отстала экономически и слишком разорена многолетней войной, чтобы идти к социализму.

Но русские рабочие не послушались соглашательских умников,—и трехлетний опыт их великого дела подкрепил их убеждения в правильности пути, по которому они идут.

Затем меньшевики пробовали оперировать теми же соображениями по отношению к революции, начавшейся в передовых странах Запада. В статье, помещенной в харьковском меньшевистском журнале „Мысль“ (1919 г.), Базаров в оправдание шейдемановской тактики высказывал мысль, что при социализации, очевидно, не придется ничего уже социализировать. Он писал:

„Приходится, повидимому, притти к выводу, что современная Европа менее созрела для социализма, чем Европа XV века (пятнадцатого!) для буржуазной революции“.

Рассуждая так, соглашатели исходят из того бесспорного факта, что четырехлетняя реакционная война, истребившая массу производительных сил, до крайности сузила тот хозяйственный базис, на котором может строиться новое общество. Ведь задача пролетариата в период его диктатуры еще Марксом и Энгельсом в „Коммунистическом Манифесте“ формулированная, как „централизация всех орудий производства в руках государства, т.е. пролетариата, организованного, как господствующий класс, и возможно скорое увеличение массы производительных сил“, этим до крайности затруднены.

Но эти соображения, как будто бы на первый взгляд основательные, не имеют ничего общего с марксизмом. Возможность того, что пролетариату придется строить из развалин, предвидел и Фридрих Энгельс.

В крайне интересном письме к Зорге от 7 января 1888 года Энгельс писал:

„И без того все так хорошо складывается по нашему желанию, что мы отлично можем обойтись без расстройств, вызванного всеобщей войной, и притом такой колоссальной, какой никогда раньше не бывало, *хотя и это послужило бы в конце-концов в нашу пользу*“.

И дальше:

„Война же отбросила бы нас назад на годы. Шовинизм все потопил бы, так как это была бы борьба за существование. Германия выставила бы около пяти миллионов солдат или десять процентов населения, другие—около четырех или пяти процентов, Россия относительно меньше. Но в действие были бы пущены от десяти до пятнадцати миллионов солдат. Хотел бы я видеть, как их прокормят; опустошение было бы такое же великое, как в Тридцатилетнюю войну. И дело не окончилось бы быстро, несмотря на колоссальные военные силы. Ибо на северо-восточной и юго-восточной границах Франция защищена очень длинной линией крепостей, а Париж снабжен образцовыми укреплениями. Стало быть, война затянулась бы надолго, точно так же и Россию нельзя одним ударом победить. И если все пойдет по желанию Бисмарка, то на нацию будет возложено столько тяжестей, каких она раньше никогда не терпела, и вполне возможно, что замедление решающих битв и частичные поражения вызовут внутренний переворот. Если же немцы с самого начала будут побиты или будут вынуждены на продолжительную оборонительную войну, *тогда переворот уже несомненно наступит*. А в таком случае, если война кончится без внутренних потрясений, *то наступит такое истощение*, какого Европа уже двести лет не переживала. Американская промышленность победит тогда по всей линии и всех нас поставит пред альтернативой: *либо возврат к чистому земледелию для собственного потребления (какого-либо другого не допустит американский хлеб), либо—социальное преобразование*“.

Нам остается только удивляться глубине анализа Энгельса. Его строки, написанные более 30 лет назад, дышат самой живой современностью.

О перспективах, связанных с всемирной войной, Энгельс писал и в 1891 г. в предисловии к „Гражданской войне“ Маркса:

„Не висит ли постоянно над нашими головами Дамоклов меч войны, которая в первый же день превратит в прах все бумажные союзы сильных мира сего,—войны, относительно которой ничего определенного неизвестно, кроме абсолютной неизвестности ее исхода,—войны расовой, которая *отдаст Европу на разграбление* пятнадцати или двадцати миллионов вооруженных солдат и которая не разразилась еще до сих пор только потому, что абсолютная невозможность предвидеть ее результаты внушает нерешительность самому сильному из крупных военных государств“.

Как видим, Энгельс ставит вопрос как раз так потому именно, что война приведет к такому истощению, которого человечество не видало уже двести лет; социализм явится единственным выходом для того, чтобы предотвратить возврат к натуральному хозяйству; или натуральное хозяйство — или победа пролетариата. Так и только так ставит вопрос история, так ставил вопрос и Фридрих Энгельс. Разорение, вызванное всемирной войной, делало, по его мнению, неизбежным установление социализма, как единственного исхода из создавшегося положения, как единственного пути к сохранению и дальнейшему развитию производительных сил общества.

Интересно будет напомнить, что и Карл Каутский также считал возможным начало строительства социализма на развалинах капиталистического здания. Свою работу „Торговая политика и рабочий класс“ он заканчивает словами:

„Характер общественного развития в течение ближайших десятилетий зависит от того, пойдет ли рост силы сознательного организованного пролетариата быстрее, чем рост орудий власти борющегося капитала; удастся ли рабочему классу подчинить себе государственную власть раньше, чем современная система политики насильственного захвата и насильственной торговой политики надолго ввергнет культурные народы в беспредельное расстройство, раздоры и запустение.“

„Социализм придет неизбежно, но социальное развитие будет совершенно иным, более благотворным и более безболезненным, если исходным пунктом социализма будет политическая победа окрепшего пролетариата на поле его классовой борьбы, а не крушение теперешней экономической системы в войне народов; если его новая жизнь возникнет не из развалин, а явится результатом победной силы величайшего культурного двигателя нашего времени — борющегося пролетариата.“

Тут Каутский высказывает мысль, что, конечно, для дела пролетариата было бы несомненно лучше, если бы социализм победил не на другой день после опустошительной войны, если бы он наступил не в результате краха обанкротившейся империалистической системы, а явился плодом постепенного роста сил пролетариата. Но старый Каутский тогда понимал, что дело не в наших благих пожеланиях, что людям не приходится выбирать те условия, при которых они делают свою историю, что они вынуждены творить ее в обстановке, созданной не ими. И старый Каутский, подобно Энгельсу, видел исход из созданного войной разорения в социализме.

В связи с этим крайне интересно отметить соображения профессора Баллода во „Фрейхейт“ относительно возможности социализма в Германии в обстановке разрухи, вызванной всемирной войной. Нужно напомнить, что доктор Баллод,—автор известной работы, выпущенной под псевдонимом Атлантикуса в конце 90-х г.г.: „Производство и потребление в государстве будущего“—работы, в которой он, делая попытку набросать план построения нового общества, основанный на научных данных, на учете производительных сил того времени,—и тогда уже приходил к выводу, что при осуществлении социализма в Германии возможно будет удвоение и даже утроение трудового дохода при одновременном сокращении почти на половину рабочего дня.

Тем более интересными являются новые вычисления известного статистика. Он доказывает, что даже несмотря на разорение, вызванное войной, вполне возможно, после трех-пяти годовичного переходного периода, ограничить рабочую повинность пятью-шестью годами для всех молодых людей и таким образом освободить от обязательного труда более зрелые поколения, чтобы произвести, сравнительно с потреблением мирного времени вполне достаточное количество пищевых продуктов и одежды для всего населения страны,—и более того, чтобы осуществить полное вознаграждение умственного труда и сделать возможным оплату средств производства.

Измышления меньшевистских умников оказались по своему объективному смыслу не чем иным, как последней попыткой отстоять привилегии буржуазии. Они тщетно пытаются поднять течение встречное против течения, которое мощным потоком, увлекает народы к социализму.

VIII.

Враги рабоче-крестьянской революции из буржуазного и социалистического лагеря неоднократно выступают с ожесточенной критикой ее деятельности, исходя из представления о каком-то абсолютно нравственном законе: они нападают на нее за аморализм ее тактики, за решительность и суровость тех революционных мер, необходимость которых диктует революционному классу революционная эпоха.

Жестокие и суровые методы борьбы неотделимы от сущности революции. Энгельс в своем письме от 12 сентября 1882 года к Каутскому говорил, что „во время социальной

революции дело не обойдется без всяческого разрушения, но подобные вещи неотделимы от всех революций”.

Буржуа оправдывали необходимость и законность всяких эксцессов, самого жестокого разрушения во время империалистской, разбойничьей, грабительской войны. Когда дело шло о мировой войне 1914—1918 годов, начатой буржуазными классами всего мира в борьбе за добычу, во имя разгрома международного пролетариата, наши враги находят нужные им слова для оправдания.

Вот что писал, напр., Петр Струве в своей статье „Поводу спора князя Трубецкого с Муретовым“, помещенной в июньской книжке „Русской Мысли“ за 1916 год:

„Исторические задачи и пути народов и государств не могут быть рассматриваемы с точки зрения хотя бы и самых возвышенных начал индивидуального поведения...”

„Я знаю, что эта точка зрения представляет свои серьезные опасности и соблазны, что она поддается грубо-материалистическому истолкованию, вернее—извращению. Но, тем не менее, вне ее невозможно ни понимание, ни оправдание таких явлений, как война”.

А война, разбойничья война будет оправдана г. Струве? И он продолжает:

„Совершенно ясно, что если исторические судьбы и пути народов подлежат вообще какой-либо оценке, то критерием этой оценки не может служить формула какого-либо нравственного закона. Что можно сказать, напр., о Петре Великом, подходя к нему с аршином категорического императива? С этой точки зрения процесс создания всякого великого государства есть цепь предосудительных происшествий и даже преступлений. Исторические судьбы народов и государств несоизмеримы с индивидуальной моралью—и в этом непререкаемом отсутствии общего мерила коренятся те жесточайшие конфликты, которые в эпохи великих исторических кризисов переживает всякая личность со сколько-нибудь тонкой духовной организацией”. („Р. М.“, 1916, VI, 96—7).

Но эти соображения, задачей которых было оправдание войны империалистской, сразу же улетучиваются из памяти господ буржуа, когда они становятся лицом к лицу с величайшей из революций. Оно и понятно. Задачей империалистской войны было увековечение рабства и угнетение широких масс,—задачей рабочей революции—низвержение господства того класса, литературными слугами которого являются господин Струве и ему подобные.

Когда дело идет о том, чтобы продлить существование „общественного порядка“, обрекающего миллионы на муки

нищеты и вырождения, тогда „применение категорического императива“ неуместно. Когда же встает вопрос о величайшем освободительном движении, которое когда-либо видел мир, то господа буржуа обрушиваются на нас со всем пафосом своего деланного морального негодования.

Но можно подметить формальное сходство между доводами Струве и рассуждениями нашего немецкого товарища Клары Цеткин.

В своей известной статье „За большевиков“ она пишет:

„Это значит требовать невозможного, чтобы большевики прошли сквозь революцию в незапятнанных белых одеждах девиц из женского пансиона, прошли через этот ад, огонь, чистилище, рай, очищающее пламя и клубящийся черный дым.

„Революция — это эпоха мироздания, повышающая до апогея страсти, желания, аппетиты, стремления к самоутверждению и самопроявлению. Из глубоких недр поднимает она в муках камни или сверкающее золото. Во всей титанической борьбе за власть, как за рычаг высшего общественного порядка, большевики не могут уклониться от мероприятий, не поддающихся измерению этико-историческим масштабом, да и не могущих им измеряться.

„Это мощное событие требует своего собственного масштаба, на котором стерлись черты, отмечающие сантиметры и миллиметры, масштаба, на котором отмечены лишь высота цели и направление. Не следует затемнять их сентиментальными слезами по поводу каждого проявления суровости и господства силы. Будем твердо придерживаться того факта, что господство и сила (сами по себе) не могут быть ни реакционными, ни революционными, но что практика их может стать реакционной или революционной, в зависимости от цели, которой они служат“.

Да, г.г. Струве и его единомышленники во всех странах оправдывают практику насилия, когда оно служит реакционной цели.

Насилие, которое пускает в ход пролетариат, освящается в глазах широких масс той великой целью, которой оно служит!

IX.

Почти 30 л. тому назад 1 мая 1890 года Фридрих Энгельс писал в предисловии к новому изданию „Коммунистического Манифеста“.

„И сегодня, когда я пишу эти строки, европейский и американский пролетариат производит *смотр своим боевым силам*, впервые мобилизованным в единую армию под единым знаменем ради единой ближайшей цели: ради законодательного установления 8-часового нормального рабочего дня, провозглашенного еще женеевским конгрессом Интернационала в 1866 году и потом вторично — парижским рабочим конгрессом в 1889 году. И зрелище сегодняшнего дня открывает глаза капиталистам и феодалам всех стран на то, что сегодня пролетарии всех стран действительно соединились!“

Ныне в день 1 мая вновь, как и тогда, пролетарии всего мира соединяются в праздновании великого дня, но они делают уже не *смотр своим силам*: они объединились в революционном действии. День 1 мая был установлен 1-м конгрессом II Интернационала и сообразно всему характеру этого детища эпохи легализма и реформизма, день 1 мая в большинстве западно-европейских стран не был днем борьбы, открытого наступления на капитал. Только в царской России 1 мая — был днем революционных битв, пролетариат открыто мерялся силами с самодержавным строем, — в России день 1 мая — был днем борьбы.

Ныне буржуазия также пытается использовать стремление трудящихся к объединению через государственные границы, — она строит „лигу наций“, этот разбойничий союз капиталистов всего мира против пролетариев всех стран. Но этому союзу революционный пролетариат противопоставляет союз красных Советских Республик, клике банкиров, правящих миром, этому штабу контр-революции, он противопоставляет красный Интернационал — штаб мировой рабочей революции.

1 мая для сознательных рабочих всего мира является праздником в честь международной Социалистической Федеративной Советской Республики.

То уничтожение перегородок между нациями, разрушение национальной вражды, о котором мечтали лучшие представители буржуазии, когда она еще была революционным классом, может быть осуществлено только революционным пролетариатом.

Как говорил Энгельс в своей, относящейся еще к 1845 году, статье „Праздник международного единения в Лондоне“, —

„Буржуазия не в состоянии выйти из национальных рамок, потому что в каждой стране она имеет специальные интересы, а эти интересы для нее верховная инстанция. Не-

сколько теоретиков со всеми своими прекрасными „принципами“ ничего не создают, потому что они предоставляют спокойное дальнейшее существование как этим противоречивым интересам, так и всему существующему. Пролетарии, напротив, имеют во всех странах одни и те же интересы, одного и того же врага, одну и ту же борьбу“...

„Досужие измышления на счет Европейской республики, вечного мира между существующими политическими организациями осмеяны не менее, чем фразы об объединении народов под крыльями всеобщей свободы торговли. Когда таким образом все химерические сантиментальности подобного рода совершенно исчезли из обращения, пролетарии всех наций, без лишнего шума по поводу пустяков, приступили уже к действительному объединению под знаменем коммунистической демократии. Только пролетарии могут действительно совершить это дело“.

Но когда во II Интернационале окончательно взяли верх те мелко-буржуазные элементы, наличность которых уже давно констатировал Энгельс, и привели его к позорному краху, в Москве, этой столице мировой пролетарской революции, положено начало новому революционному Интернационалу, действительно коммунистическому Интернационалу, и 1 мая становится вновь днем борьбы.

В эпоху II Интернационала день 1-го мая был днем надежды на будущее, теперь в этот день пролетариат подводит итоги сделанным им завоеваниям и тем завоеваниям, которые ему сделать предстоит.

Если 1 мая было праздником труда поработленного, то теперь оно стало праздником труда побеждающего. Ныне 1-е мая—праздник мировой социалистической революции, из обетования ставшей фактом.

Под знаменем международной Советской республики сольется человечество в единую семью, осуществится мечта поэта о том золотом времени, когда „народы, распри позабыв, в великую семью соединятся“.

Капиталистический мир разлагается, он переживает свои последние годы,—на смену буржуазии идет ее могильщик, класс, порожденный ею—пролетариат.

И пока капитализм еще стоит крепко, пока он не рухнул под натиском пролетариата,—как набатный колокол будет звучать призыв к борьбе в великий день 1-го мая.

Мы, пролетарии той страны, где рабочий класс победил, где он взял власть в свои руки, будем неустанно звать рабочих тех стран, которые еще влачат на себе цепи капитализма, к свержению гнета капитала.

Как говорил сто лет тому назад Шелли в своей „Песни к британцам“: „Хлеба вы взрастили—другой их пожнет; Богатства нашли вы,—другой их возьмет; Вы платья соткали—кому?—для чужого? Оружье сковали—для власти другого. Растите хлеба, но не наглým глупцам; Ищите богатства—не дерзким лжецам; И тките одежду, но смерть паразиту. И куйте оружие—себе на защиту!“

Х.

2 марта 1919 года войдет в историю. В этот день в Москве, в Кремле, собрался первый съезд Третьего Коммунистического Интернационала.

Создание Маркса—Первый Интернационал—кончил свое существование после разгрома Парижской Коммуны, II Интернационал, давно уже разедаемый ржавчиной оппортунизма и реформизма, погиб в буре и грохоте мировой войны.

Принцип интернационализма, международной солидарности пролетариата был наиболее могучим оружием рабочих в их борьбе против старого мира. „Объединенное действие пролетариев, по крайней мере цивилизованных стран, является одним из первых условий его освобождения“,—говорили Маркс и Энгельс в „Коммунистическом Манифесте“. Великими словами: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ закончили они эту „общую программу“ многих миллионов рабочих всех стран от Сибири до Калифорнии, как назвал это произведение Энгельс.

Понятно поэтому, что буржуазия, сама насквозь разедаемая национальной враждой, поставила одной из своих главных задач разрушение международного братства рабочих.

Дух интернационализма был движущим нервом всего пролетарского движения. Покончив с ним, буржуазия думала убить и все ненавистное ей социалистическое движение.

Но бурные ликования идеологов буржуазии по обе стороны боевого фронта по поводу крушения социалистического движения оказались преждевременными. Война сама неимоверно усилила классовые противоречия капиталистического общества,—нужду, нищету, эксплуатацию масс наряду с обогащением небольшой кучки магнатов капитала,—и тем самым бойня готовила почву для восстановления разрушенного социал-шовинистами во время войны единства рабочего класса.

Обманутые продавшимися буржуазии вождями массы стали быстро прозревать и отворачиваться от изменников рабочему делу.

Уже в ходе войны на интернациональных конференциях социалистов в Циммервальде (1915) и Кинталле (1916) были заложены зародыши нового международного объединения рабочих. „Циммервальдская левая“ послужила ядром II Интернационала.

Но формально конституироваться новый союз революционных сил пролетариата мог только после первой победы интернациональной рабочей революции в октябре 1917 г. в России. С тех пор идеи переворота еще более быстрым темпом стали распространяться по всему миру, и через 16 месяцев после победы рабочего дела в России процесс консолидации пролетарских сил во всех государствах зашел уже так далеко, что рабочие партии разных стран могли уже съехаться на первый съезд Коммунистического Интернационала в Москве.

Рабочий авангард объединился под знаменем коммунизма, уже самым своим названием новое братство рабочих резко отгородилось от превратившегося в орудие борьбы буржуазии против пролетариата социал-шовинизма.

Нынешний злобный ненавистник коммунизма Каутский когда-то понимал, почему „Маркс и Энгельс отказывались переименовать свой манифест коммунистов в манифест социалистов.

„Слово социализм,—писал он,—прикрывает ныне такие разнообразные вещи, среди них довольно жалкие, как христианский и национальный социализм всякого; слово же коммунизм, напротив, обозначает недвусмысленно и ясно ту цель, к которой стремится пролетариат, борющийся в революционной борьбе за свое освобождение“.

(„Этико-материалистическое понимание истории“, написано в 1906 г.).

В настоящее время словом „социализм“ прикрывают свою палаческую работу господ Шейдеманы и Носке, тысячами истребляющие лучших людей пролетариата. Понятно поэтому, что и новый Интернационал вернулся к славному имени, освященному Марксом и Энгельсом,—вслед за русской партией большевиков он поднял знамя коммунизма, внушающее смертельный трепет господствующим классам!

Год, истекший со времени первого съезда коммунистического Интернационала, был эпохой непрерывных триумфов рабочего дела. И в Старом и в Новом Свете, и в Азии и в Южной Америке с каждым днем множатся секции

III Интернационала. Его идеи быстро идут к победе в рабочем движении передовых стран капиталистического мира.

Если II Интернационал является теперь „живым трупом“ даже по признанию той самой буржуазии, которая хотела за него ухватиться как за последний якорь спасения от революции, то III Интернационал, перед которым трепещет мировая буржуазия, может применить к себе слова Энгельса, сказанные им незадолго до смерти о рабочем движении: „Все, что происходит на свете, имеет отношение к нам. Мы являемся теперь великой державой, которой боятся и от которой зависят не меньше, чем от других держав“.

Четыре столетия назад имущие классы Европы трепетали перед небольшой кучкой предвестников современного коммунизма—анабаптистами.

„Очень мы беспокоимся в наших провинциях,—пишет из Антверпена 6 февраля 1534 г. Эразм Шетус Эразму Роттердамскому,—особенно в Голландии, из-за бунтовщического огня баптизма, ибо он разгорается ярким пламенем. Едва ли есть местечко или город, где не тлеет тайно искра восстания; так как они проповедуют общность имущества, то к ним присоединяются все неимущие“.

Так в наши дни все неимущие примыкают к победному знамени Красного Интернационала.

Но если в эпоху реформации князьям и помещикам огнем и мечом удалось расправиться со своими врагами, то теперь гибель старого мира предрешена.

Пролетариат тех стран, где во время войны национализм произвел наибольшее опустошение, бесповоротно становится под знамя коммунизма. В Германии партия независимых, объединяющая около миллиона пролетариев, выходит из II Интернационала. Во Франции пролетарии передового города Парижа дают большинство на партийный съезд коммунистов.

Все крепче становится вновь завязанная III Интернационалом связь между пролетариями разных наций, все ближе к победе дело коммунизма!

XI.

В 1849 году русский император Николай послал более чем стотысячную армию под начальством князя Паскевича на помощь своему коллеге, императору Францу-Иосифу, для

подавления мятежного венгерского народа, взбунтовавшегося против своего повелителя.

Составленная из крепостных крестьян, русская армия выполняла поставленную ей задачу,—и поражение венгерской революции знаменовало крушение всего европейского движения в 1848—1849 г.г.

Es fiel der Freiheit letzte Schanz

Und Ungarn blutet'sich zu Tode

(Пал последний оплот свободы,
И Венгрия лежит при смерти, в крови),
писал по этому поводу Генрих Гейне в стихотворении
„Im October 1849“ (В октябре 1849).

Es muss der Held nach altem Brauch

Den tierisch rauhen Mächten unterliegen.

(Герой по древнему обычаю

Должен погибнуть от животных грубых сил).

Венгрия в доброе прошлое время была самым надежным оплотом буржуазной революции,—и ее поражение явилось преддверием к полному разгрому революции на европейском континенте...

В настоящее время, семьдесят лет спустя после победы царя над буржуазной революцией в Венгрии, мировой империализм нанес поражение восторжествовавшей в Венгрии коммунистической революции.

Если 70 лет тому назад наиболее реакционной силой в Европе был российский царизм, игравший роль европейского жандарма, бывший угрозой всей европейской демократии,—теперь роли переменились,—и Россия, эта „империя царей“, превратилась в оплот революции во всем мире, а европейская „демократия“ напрягает все свои силы, чтобы восстановить в России царский режим.

Осуществляются слова Энгельса, сказанные им почти 30 лет тому назад в статье „Die Auswärtige Politik des russischen Zareitums“ (Иностранная политика русского царизма), помещенной в „Neue Zeit“ за 1890 г.

„В тот день, когда падет царская власть, этот последний бастион всей европейской реакции, в этот день повеет совсем другим ветром по всей Европе... В тот день, когда этот главный оплот сам перейдет в руки революции, реакционные правительства Европы утратят последнюю искру веры в себя и в прочность своего существования. Тогда они будут предоставлены своим силам и скоро узнают, что это за раз-

ница. Может быть они были бы уже в состоянии привести в движение свои армии, чтобы восстановить власть царя. Такова ирония всемирной истории“.

Но если всех сил мировой контр-революции недостаточно, чтобы победить рабоче-крестьянскую Россию, где власть коммунизма празднует уже свой трехгодичный юбилей,—империалистам удалось при помощи социал-предателей свергнуть власть коммунистов Венгрии, где искры, занесенные из России, разгорелись в пламя социальной революции...

Мировые разбойники взяли от венгерских соглашателей все, что они могли дать,—теперь они выбрасывают их за дверь, потому что „изменник более не нужен, когда окончилась измена“... как говорит Сехисмундо в драме Кальдерона „Жизнь, есть сон“ (хорнада третья, сцена 14-я)...

Теперь победители готовятся к суду над коммунарами,—но будет еще время, когда венгерский пролетариат будет творить суд над своими угнетателями...

В 1849 г. гибель Венгрии знаменовала поражение международной революции; в 1919 г. свержение Советской власти в Венгрии является лишь эпизодом в развитии мировой пролетарской революции, ибо рабочая революция идет к победе во всем мире, а ее победоносный авангард—Советская власть в России—стоит прочнее, чем когда-либо.

Как говорил Маркс в написанном им „Воззвании генерального совета международного общества рабочих по поводу гражданской войны во Франции 1871 г.“ по поводу борьбы между пролетариатом и буржуазией:

„Хотя железная рука наемной солдатчины на время и может придавить оба эти класса, но борьба их снова разгорится и неизбежно будет все сильнее разгораться, и не может быть никакого сомнения в том, кто в конце-концов останется победителем; немногие ли присвоители или огромное большинство трудящихся“.

Победители в Венгрии уже охвачены тревогой: они чувствуют непрочность своего положения, они предвидят новую победу—на этот раз уже решительную—коммунистов!

XII.

Польский народ обязан своей свободой революции в России, Германии и Австрии,—расчлененная полтора столетия тому назад на три части монархами этих стран Польша воссоединилась воедино.

В течение более чем ста лет европейские демократы и социалисты видели в освобождении Польши свою главную задачу. Польский народ представлялся им оплотом революции.

В 1848 г. Маркс в „Neue Rheinische Zeitung“ проповедывал войну в революционной Германии против царской России с целью освобождения Польши.

„С войной против России было неразрывно связано возрождение Польши. Оно было безусловно необходимо в интересах европейской революции, которая не могла развернуть всех своих сил, не парализовав раньше русского колосса, и которая для парализования этого колосса не имела в своем распоряжении иного средства, кроме польского восстания. Этим объясняется громадная популярность, которой дело Польши пользовалось в Западной Европе в тридцатых и сороковых годах прошлого столетия“ (Меринг „История германской социал-демократии“, т. II, 110).

В своем стихотворении „Zwei Polen“ немецкий поэт середины XIX века Ленау прекрасно выразил отношения европейской демократии того времени к Польше:

Vielleicht ist Polens Freiheit
Auf immer nicht dahin?
Die Winde gehn und kommen,
Die Woge ebbt und flutet,
Doch einig ohne Hülfe
Die tiefe Wunde blutet.

(Может быть свободе Польши не пришел конец навсегда? Ветры приходят и уходят, волна приливает и отливает, но глубокая рана все истекает кровью без всякой помощи).

Эту тяжелую рану исцелила революция.

Первый Интернационал был основан 28 сентября 1864 г. на митинге в Сен-Мартинсхолле в Лондоне в связи с манифестацией в память польского восстания. Оно дало толчок к созданию международного общества рабочих.

С другой стороны и польские эмигранты всегда были в первых рядах там, где дело шло об освобождении человечества.

Генерал Мерославский командовал революционной армией южно-германских инсургентов в 1849 г. „В 1870 г. множество польских эмигрантов во Франции служило делу Коммуны“, — писал Фридрих Энгельс (статья в „Volksstaat“ в 1874 г.), имена полководцев Коммуны, Домбровского и Врублевского, навеки запечатлены в ее истории.

И вот капиталистический империализм современности превратил в свое орудие для сокрушения революции

народ, на котором покоились надежды всех революционеров, Французская буржуазия натравила на нас Польшу, польское правительство шлет на нас свои войска, оно ведет войну против Советской России, забыв, что тем самым оно помогает торжеству контр-революционных элементов, являющихся непримиримыми врагами свободной Польши, ибо „независимость Польши и революция в России, это—две вещи, которые обуславливают друг друга“ (Энгельс).

Чтобы побороть коммунистическую революцию у себя дома, реакционное польское правительство начинает захватническую войну на Востоке против той самой республики рабочих и крестьян, которая первая признала независимость Польши.

Польский народ в течение более столетия терпел чужеземное иго, теперь ставшие в Польше у власти помещики и капиталисты хотят подчинить своему игу народы Литвы, Белоруссии, Украины. Они забыли, что „народ, угнетающий других, не может освободить и сам себя. Та сила, которая ему нужна для угнетения других, всегда обращается в концов концов против него самого“ (Энгельс).

XIII.

„Не тем людям, которые ведут жалкое существование, у которых нет надежды на счастливую долю, подобаёт не щадить жизни, но тем, которым следует ещё опасаться перехода от благополучной жизни к несчастной и для которых с поражением наверное наступят большие перемены к худшему“.

Эти слова знаменитый историк древности Фукидид в своей „Истории Пелопонесской войны“ влагает в уста Перикла в речи, произнесенной последним в 431 году при погребении первых воинов, павших в этой войне афинской демократии против спартанской аристократии (Книга II, глава 43).

Конечно, в Советской России далеко не все благополучно, — коммунисты отнюдь не заражены тем оптимизмом, который, по определению героя знаменитого романа Вольтера, Кандида, „есть страсть утверждать, что все хорошо, когда приходится плохо“.

Наоборот, наша партия всегда бестрепетно влагала персты в язвы, зная, что говорить рабочему классу всю правду есть лучшее средство для того, чтобы поднять его на решительную борьбу с грозящим злом.

Но сознание того, в какую пучину бедствий ввергло бы революцию поражение Красной армии, заставляет рабочих и крестьян России с героическим энтузиазмом сражаться за свои завоевания против царских генералов. Поражение повлекло бы за собой крах всех завоеваний революции. Памятуя это, рабочие и крестьяне России сражались и умирали, несмотря на все воздыхания меньшевиков о вредоносности гражданской войны, истощающей народные силы.

Лишь одержав победу на поле брани, приведя к победоносному концу гражданскую войну, русский народ сможет вплотную взять на свои плечи бремя нового героического труда,—труда за спасение социалистического отечества от нищеты, голода, разрухи, сыпняка.

И опять на пути рабочего класса барахтались меньшевики, которые устами Абрамовича на съезде Совнархозов обрушились с резкой критикой на тезисы нашего Ц. К., так как де намечаемая им политика „приведет к истощению рабочей силы“, „требует больших жертв“ и т. д.

В свое время эти выброшенные революцией за борт литераторы с таким же жалким подобием аргументации выступали и против создания Красной армии, саботируя гражданскую войну, навязанную трудовой республике ее классовыми врагами.

Затем „социал-демократы“ заняли ту же позицию по отношению к трудовой армии пролетариата, по отношению к той бескровной войне, которую он обречен вести против разрухи—этого наследия капитализма и войны.

Но прошло полтора года со времени первых выступлений меньшевиков против создания Красной армии во Всероссийском Ц. И. К., и они покаялись, признали необходимость ее создания в момент нашествия Деникина, на последнем съезде Советов они не отрицали успехов Советской власти на военном и дипломатическом поприщах.

Пройдет может быть еще год, русский рабочий класс проявит в деле внутреннего строительства неменьшие чудеса выдержки и героизма, чем в гражданской войне, и меньшевики поплетутся тогда опять в хвосте событий, прозреют и задним числом „признают“ необходимость трудовой повинности, массовой мобилизации труда для борьбы с экономической катастрофой.

Эти жалкие люди, которым вечно суждено быть, по слову Апокалипсиса, „не горячими и не холодными, а теплыми“, совершенно не в состоянии испытывать того воодушевления, которое, по словам, сказанным великим утопистом

Сен-Симоном на смертном одре его ученикам, необходимо для совершения великих дел.

Этого воодушевления, этого революционного порыва нет у жалких политиков обанкротившегося мещанства.

Но героическим энтузиазмом горит рабочий класс, справившийся с натиском отечественной контр-революции и иностранного империализма и в этой гигантской победе почерпавший твердую уверенность в успешном завершении начатого им великого дела борьбы с хозяйственным развалом!

